

УДК / UDC 31

«Калмыцко-русский словарь»

В. М. Дилигенского как исторический источник

Нелли Максимовна Азванова¹

Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky as a Historical Source

Nelly M. Azvanova¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Российская Федерация)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0009-0000-7306-7351. E-mail: nel_max[at]mail.ru

Аннотация. *Введение.* «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского (1852) занимает особое место среди памятников калмыцкой письменности XIX в. и представляет собой ценный исторический источник для изучения не только языка, но и культурных, этнических и социальных процессов, происходивших в калмыцком обществе в период его интеграции в состав Российской империи. *Цель* исследования — комплексный анализ «Калмыцко-русского словаря» В. М. Дилигенского как исторического источника, отражающего особенности развития культуры и межэтнических контактов в XIX в. *Задачи* исследования: охарактеризовать историко-культурный контекст создания словаря, включая миссионерскую деятельность среди калмыков; проследить влияние общественно-политических и культурных изменений на структуру и наполнение словаря; оценить вклад словаря в формирование и сохранение письменной традиции калмыцкого языка, а также его значение для лингвистического источниковедения. *Материалы и методы.* Основным источником послужил «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского. В ходе исследования применялись следующие методы: текстовый, лингвистический и историко-культурный анализ. *Результаты.* Исследование показало, что «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского отражает значительный пласт лексики калмыцкого языка середины XIX в. Анализ словаря выявил широкий спектр лексики, связанной с бытом, религией, хозяйством, что отражает специфику жизни калмыков в период ак-

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Азванова Н. М. (Azvanova N. M.), 2025

тивной миссионерской деятельности. *Вывод.* «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского — не только лексикографический памятник XIX в., но и уникальный исторический источник, позволяющий реконструировать калмыцкое общество того времени, охарактеризовать процессы языкового взаимодействия и динамику развития калмыцкого языка в условиях полиэтнической среды, отраженные в лексикографическом памятнике.

Ключевые слова: калмыцко-русский словарь, В. М. Дилигенский, исторический источник, тодо бичиг, миссионерская деятельность, языковые контакты

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Азванова Н. М. «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского как исторический источник // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 8–18. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-8-18

Abstract. *Introduction.* Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky (1852) occupies a special place among the monuments of Kalmyks' writing of the 19th century and is an important historical source for the study of the language as well as the cultural, ethnic and social processes in the Kalmyk society as it integrated into the Russian Empire. The *purpose* of the study is a comprehensive analysis of the Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky as a historical source reflecting the peculiarities of the development of the Kalmyk language, culture and interethnic contacts in the 19th century. Research *objectives:* to identify and analyze the lexical material of the dictionary in terms of reflecting the state of the 19th century, its dialectal features and contacts with other languages; to characterize the historical and cultural context of the dictionary's creation, including missionary activities among the Kalmyk; to trace the impact of the socio-political and cultural changes on the structure and content of the dictionary; to evaluate the contribution of the dictionary to the formation and preservation of the written tradition of the Kalmyk language, as well as its significance for linguistic source studies. *Materials and methods* the main source was the Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky. The following methods were used for the research: textual, linguistic and historical-cultural analysis. *Results.* The study showed that the Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky reflects a significant layer of the vocabulary of the Kalmyk language of the middle of the 19th century. The analysis of the dictionary revealed a wide range of vocabulary related to everyday life, religion and agriculture which reflects the specifics of Kalmyk's life during the period of the active missionary activity. *Conclusion.* The Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky is not only a lexicographic monument of the 19th century, but also a unique historical source that allows us to reconstruct the Kalmyk society of that time, characterize the processes of linguistic interaction and the dynamics of the development of the Kalmyk language in a multi-ethnic environment, reflected in this lexicographic monument.

Keywords: Kalmyk-Russian dictionary, V. M. Diligensky, historical source, Todo Bichig, missionary activities, language contacts

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 22022700134-6 "The Southeastern Belt of Russia: a Study of the Political and Cultural History of Social Communities and Groups".

For citation: Azvanova N. M. Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky as a Historical Source. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2025. No. 1. Pp. 8–18. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-8-18

1. Введение

«Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского представляет собой уникальный источник, отражающий не только базисную лексику калмыцкого языка, но и культурные, социальные и религиозные аспекты жизни калмыков в XIX в. В контексте стремительной христианизации калмыцкого народа, осуществляемой Русской православной церковью и миссионерами, данный словарь стал важным инструментом для передачи христианских и буддийских учений и адаптации их к особенностям каждой из двух культур.

Лексикографические труды, созданные миссионерами, в том числе В. М. Дилигенским, отражают не только состояние языка калмыков, но и особенности межэтнических контактов, религиозной политики и образовательных инициатив того времени. Значение лексических материалов словарей отметили исследователи, уточнив, что это «ценный материал для современной калмыцкой лексикологии. Фактически они заложили многие ключевые направления исследований в этой области, актуальные и по сей день. С другой стороны, это важнейшие письменные памятники в истории культуры калмыков» [Баянова, Куканова 2016: 101–102]. Но при этом следует вывод, что «ранние калмыцкие словари не отличались лексическим разнообразием, не отражали полностью актуальную лексику и содержали главным образом небольшую часть словарного запаса» [Баянова, Куканова 2016: 100].

Словарь В. М. Дилигенского, являясь ценным свидетельством взаимодействия двух культур, позволяет отчасти реконструировать языковые связи между калмыцким и русским народами, а также процессы ассимиляции и культурного обмена, происходившие в период активной миссионерской деятельности.

«Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского стал объектом исследования преимущественно лингвистов и филологов¹ и практически не привлекался учеными-историками в качестве источника. Филологи, анализируя словарный материал, рассмотрели структуру словарной статьи, лексико-тематическое разнообразие, а также описали ряд грамматических особенностей, характерных для калмыцкого языка того периода [Мирзаева, Долеева 2022]. Исследователи подчеркнули важность словаря как лингвистического источника, в котором задокументировано состояние калмыцкого языка середины XVIII в.

В научной литературе В. М. Дилигенский упоминается в основном как составитель букваря калмыцкой грамматики (1849 г.) и в связи с его просветительской и миссионерской деятельностью [Дорджиева 1995; Колесова 2000; Орлова 2006; Алексеева 2010; Баянова 2012; Баянова, Сибгатулина 2020]. О незаменимости родного языка при обучении и воспитании

¹ Так, например, С. В. Мирзаевой и А. О. Долеевой в 2022 г. были описаны предварительные результаты, полученные в ходе анализа двуязычных словарей на базе лингвистической платформы LingvoDoc [Мирзаева, Долеева 2022: 1159]. Материалом исследования послужили пять словарей старокалмыцкого языка, в их числе был калмыцко-русский словарь В. М. Дилигенского.

детей писал В. М. Дилигенский еще за несколько десятилетий до появления метода Н. И. Ильминского, автора концепции системного решения проблем миссионерского просвещения инородцев России, что отмечал А. Б. Панькин [Панькин 1997: 40, 42; Панькин 2001: 111–112].

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью подобных источников, несмотря на более чем 150-летнюю историю изучения письменных источников на ойратской письменности «тодо бичиг» («ясном письме»). Между тем именно двуязычные словари, созданные православными миссионерами, служат уникальной базой для реконструкции этнокультурных процессов, анализа влияния русской культуры на калмыцкое общество.

Цель исследования — комплексный анализ «Калмыцко-русского словаря» В. М. Дилигенского как исторического источника, отражающего особенности развития культуры и межэтнических контактов в XIX в.

2. Материалы и методы

В настоящем исследовании основным источником послужил «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского (1852). Вся библиотека Казанской духовной академии была передана в ведение Центрального архива Татарской АССР. Данные архивные документы и рукописи, представляющие собой богатую коллекцию об истории самой Казанской духовной академии и об истории и культуре восточных народов, которые ее преподаватели и студенты изучали на достаточно высоком для того времени научном уровне. Рукописи, переданные на хранение в Центральный архив Татарской АССР, вошли в описи №№ 2, 5, 6, 7 фонда № 10 «Казанская духовная академия». 24 декабря 2021 г. Словарь калмыцко-русский В. М. Дилигенского был включен в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации под регистрационным номером 850¹. Большое сожаление вызывает тот факт, что этот уникальный рукописный словарь так и не был издан.

Для изучения содержания словаря применялись следующие методы: структурный метод, позволивший описать структуру словаря; семантический анализ, в результате которого выявлено лексико-тематическое разнообразие; лингвистический анализ — выявление диалектных черт и заимствований из русского языка; историко-культурный анализ — рассмотрение словаря как источника по истории культуры, религии и образования калмыков. Особое внимание уделялось отражению в словаре реалий калмыцкого быта, религиозных терминов, а также влияния русской культуры и языка.

3. Описание «Калмыцко-русского словаря» В. М. Дилигенского

В Государственном архиве Республики Татарстан в фонде под № 10 «Казанская духовная академия, г. Казань», в деле под № 20 описи 7

¹ Словарь калмыцко-русский В.М. Дилигенского [электронный ресурс] // URL: <https://unikdoc.rusarchives.ru/850-slovar-kalmycko-ruskiy-diligenского> (дата обращения: 15.05.2025).

хранится рукопись «Калмыцко-русского словаря» В. М. Дилигенского. Василий Матвеевич Дилигенский не является ни выпускником, ни преподавателем Казанской духовной академии. Он родом из Пензенской губернии (ныне — Республика Мордовия) и учился в Пензенском духовном училище. Известно, что уже с 1824 г., в возрасте 14–15 лет, Василий Матвеевич Дилигенский вместе с крещеным калмыком Кудрявцевым¹ принимает активное участие в обращении калмыков в христианство [Бурякова 2024: 16].

На листах 1 и 174 рукописи стоят штампы библиотеки Казанской духовной академии и на титульном листе штамп с № Инв. 113 и № Хр. Кат. 158 Б. К. Д. А., что позволяет понять, что данная рукопись хранилась в указанной выше библиотеке. Рукопись была отправлена В. М. Дилигенским в Казань с целью издания книги. Во второй половине XIX в. Казань была одним из крупных центров российского книгопечатания. Ведущее место среди печатных заведений занимала типография Казанского университета, поскольку данная типография располагала шрифтами на языках нерусских народов [Матвеева 2017: 422]. Активным издателем и заказчиком типографии Казанского университета выступала Казанская духовная академия, по заказам которой печатались труды ее преподавателей и студентов. Обращение академии к услугам типографии университета было вовсе не случайным, поскольку печать для нее производилась здесь на льготных условиях [Габдельганеева 1994: 9].

Год создания словаря 1852 г. Обнаруженный в коллекции Государственного архива Республики Татарстан рукописный калмыцко-русский словарь, составленный протоиереем Василием Матвеевичем Дилигенским, до некоторого времени считался утерянным [Туранская и др. 2018: 35]. Рукопись оформлена черными чернилами, имеется множество пометок (простым карандашом, либо карандашами красного и синего цветов) галочками и крестиками, есть несколько дополнений простым карандашом, сделанные другим почерком в местах, где было пропущено значение слов. Объем рукописи 350 страниц или 174 листа, бумага имеет следующие размеры 35 x 22,5 см. Слова, а также словосочетания на «ясном письме» («тодо бичиг») расположены в три столбца, всего приблизительно насчитывается более 12 500 слов, т. е. словарь является одним из самых больших по объему среди известных калмыцко-русских словарей, созданных миссионерами.

4. Вклад В. М. Дилигенского в формирование коллекции калмыцких рукописей Казанской духовной академии

В. М. Дилигенский не только создавал учебные материалы, но и собрал большую коллекцию калмыцких рукописей в ходе активной миссионерской деятельности. К. В. Орлова в своей монографии «История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в.» отмечает, что В. М. Дилигенский подарил библиотеке Казанской духовной академии буддийские

¹ Инициалы не установлены.

рукописи: «Йиртинцуйин толи» («Зеркало мира»), «Ойуни зула» («Лампада разума»), «Ариун идэн хани кювюн тоуджи кемекю мактал», отрывок из «Дорджи джодба» («Алмазной сутры») [Орлова 2006: 180]. Об этом же сообщает П. Э. Алексеева в своей статье «Давние корни двуязычия», опубликованной в сборнике «О людях и времени», и добавляет, что «Казанская духовная академия оказывала внимание Дилигенскому, проявлявшему интерес к изучению калмыцкого языка» [Алексеева 2010: 106]. Далее, ссылаясь на архимандрита Гурия [Гурий 1915: 451–453], К. В. Орлова уточняет, «что за все это в 1843 г. Дилигенский был удостоен звания члена-корреспондента конференции Казанской духовной академии», а «Астраханская консистория посоветовала ему продолжать занятия переводами, изыскивать и приобретать памятники калмыцкой литературы и посылать их в КДА» [Орлова 2006: 180].

В Государственном архиве Республики Татарстан сохранились сведения о присылке калмыцких рукописей членом-корреспондентом конференции, священником походно-улусной церкви Астраханской епархии Василием Дилигенским для Академической библиотеки. Так, в деле 1852 г. хранится следующий документ, написанный В. М. Дилигенским: «Имею честь представить при сем в Конференцию четыре калмыцких рукописи, собранных мною в разных хурулах, чрез посредство знакомых Гелюнгов; из них первая, под названием Эрденийн Санк — драгоценное сокровище; вторая, Йеке кюльген — великое средство ко спасению; третья Шагжин Ламайн санал — размышление ламы, и четвертая Сакуусун — хранитель от ересей и расколов. При сем нужным считаю присовокупить, что бумаги, следующие ко мне из Конференции, нужно адресовать в Мало-дербетевское улусное правление чрез Царицын. Священник Василий Дилигенский» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5997. Л. 1–2]. В этом же деле имеется другой документ, где В. М. Дилигенский описывает еще одну рукопись, «испрошенную мною у знакомого зайсанга и своеручно списанную. Рукопись эта особенно имеет то достоинство, что писана собственно наречием калмыцким, — наречием, почти разговорным, но довольно облагороженным; между тем, очень замечательна и по своему содержанию: в ней описаны бедствия, встретившие калмыков на берегах Волги, вскоре по переселению их, а также и первоначальное устройство между ими чиноначалия» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5997. Л. 4].

5. Место составления словаря В. М. Дилигенским

Как упомянуто выше, словарь состоит почти из 12 тысяч слов, и только пять из них топонимы, в т. ч. город Царицын (ныне — г. Волгоград), река Волга и название волжского острова, лежащего ниже Царицына, близ Сарепты по горной стороне Волги. Это, безусловно, наводит на мысль, что словарь составлен именно в Царицыне. Дает основание так думать и тот факт, что В. М. Дилигенский состоял учителем в училище, основанном в 1838 г. для новокрещенных калмыков в г. Царицыне [Бурякова 2024: 17], хотя он был определен на почетническое место к Успенскому собору г.

Царицына уже в 1826 г. [Бурякова 2024: 16]. В. М. Дилигенский был учителем в течение 11 лет [Бурякова 2024: 19].

В пользу того, что В. М. Дилигенский проводил работу по составлению словаря именно в окрестностях Царицына, свидетельствует анализ лексики с точки зрения диалектной принадлежности. В современном калмыцком языке существует три основных диалекта [Убушаев 2006: 5], причем бузавский говор включает особенности как торгутского, так и дербетского диалектов [Убушаев 2006: 15], так как исторически донские калмыки были сформированы из разных хотонов торгутов и дербетов [Убушаев 2006: 207].

В словаре В. М. Дилигенского представлена лексика, которая в настоящее время идентифицируется как слова дербетского говора (например: *арһмж* 'веревка', *бичиг* 'письмо'; *бурчг* 'дробь', *илдн* 'лишай', *кирү* 'иной', *меклх* 'обмануть', *зан* 'слон', *живр* 'крылья', *тулкур* 'ключ', *тайыг* 'трость', *хавсн* 'ребра', *шор* 'шпага, штык', *хамаран* 'куда', *хагсу* 'сухой', *өөмх* 'плавать' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 5, 43об., 47, 12об., 65, 92, 130об., 134об., 115, 102об., 52, 159, 54, 72, 14об.; Бардаев 1985: 102–104] и др.). Встречаются и слова, ставшие характерными для торгутского говора (*бурцг* 'горох', *серэ* 'острога', *шат* 'лестница' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 47, 159об., 168; Бардаев 1985: 102–103] и др.).

Соседство калмыков с немецкой колонией Сарепта, основанной в 1765 г. на берегу р. Сарпа, к югу от г. Царицына и ставшей в настоящее время частью г. Волгограда, оказало значительное влияние на хозяйственный уклад жизни калмыков, которые проживали в окрестностях Сарепты. Как известно, Сарепта стала важным торговым и культурным центром, что способствовало обмену не только товарами, но и идеями, языком и культурными практиками [Вашкау 2002: 12; Алексеева, Музраева 2006: 117]. Поселенцы, освобожденные от службы и налогов, имеющие разные льготы и землю, поставили каменную церковь, аптеку, организовали рынок, открыли свечную, табачную фабрику, мыловарню, винокуренный завод и первый в России горчично-маслобойный завод, разбивали сады и виноградники [Курышев 2016: 48]. В результате взаимодействия калмыков с немецкими поселенцами в языке могли появиться заимствованные понятия, связанные с сельским хозяйством и ремеслами. Например, присутствие в словаре таких терминов, как *üdürme* 'гумно', *buxar taralang* 'оставленная пашня', *añisun* 'плуг', *хауалуксан үазар* 'вспаханная земля', *buxolalaxu* 'сваливать сено в стога или копны', *üzümčī* 'виноградарь' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 29, 45об., 1об., 53, 45об., 29об.], могли быть результатом этого взаимодействия.

В словаре представлено большое количество рыболовных терминов. Состав рыболовецкой терминологической лексики включает названия промысловых рыб, рыболовных снастей, орудий лова, которые используют для рыболовного промысла. Например: *хахoulidaxu* 'удить, ловить рыбу', *küügidekü* 'ловить рыбу на удочку или багром', *tour gülme* 'рыболовная сеть', *güröči* 'рыбак', *xarsun* 'чешуя рыб', *хаγадусутай заγасун* 'костля-

вая рыба', *keltegei zaγasun* 'карась', *ǰirmaγai* 'мелюзга, икра рыбы', *γoxo-bēr tataxu* 'тянуть на уде или крюком' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 53, 53, 89об., 89, 50об., 53, 62об., 135об., 86об.], что свидетельствует, на наш взгляд, о том, что данная группа лексики стала входить в состав базисной лексики, другими словами, стала отражать повседневные занятия калмыков, проживавших вблизи р. Волги и р. Сарепты. В XVII в. неуклонно сокращались кочевья [Батмаев 2024: 1534], что приводило к тому, что калмыки стали переходить к другим хозяйственным занятиям, в том числе к рыболовству. Для калмыков стала хорошо знакомой постоянная работа на рыболовных учугах, ватагах и станах [Батмаев 2024: 1534].

Таким образом, процесс аккультурации, в ходе которого одна культура усваивает элементы другой культуры, привел к переходу ряда слов из пассивного запаса в активный (т. е. базисный) в ответ на изменения в калмыцком обществе.

6. Отражение традиционной жизни калмыков через призму лексического состава словаря

В Словаре В. М. Дилигенского получает отражение общего уклада жизни калмыцкого народа, некоторые обычаи и нравы, присущие калмыкам в целом, определенной социальной группе и т. п., другими словами, повседневная жизнь народа. Словарь является ценным источником для этнографических исследований. Словарь включает не только языковые элементы, но и культурные аспекты, такие как традиции, обычаи и мировосприятие калмыков, что делает его важным ресурсом для изучения этнографии и социологии калмыцкого народа. В словаре широко представлена базисная лексика, употребительная в разговорной речи. Кроме этого, материал, включенный в словарь, содержит термины и понятия того времени, передающие самобытность калмыцкого народа:

1) наименования предметов быта, орудий и одежды калмыков, например: *ousur* 'широкая лента, пояс около кибитки'; *arγasun* 'сухой навоз для потопки'; *enige* 'верхняя часть дверей или окон'; *iligür* 'лопаточка у каменщиков'; *ixumi* 'орудия для выдолбливания, круглое долото'; *nömörkei* 'плащ от дождя, накинутый сверху одежды'; *baqlaya* 'куча сложенных снопов'; *xot* 'хомут, ковер, подкладываемый под ношу верблюда' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 15об., 5об., 7, 12об., 19об., 37, 38об., 68] и т. д.

2) наименования религиозных понятий, в том числе философские, например: *orkimji* 'красная перевязь через плечо гелюнгов'; *ōdō bolxu* 'приход, явление или шествие знатных или божественных особ'; *ölzöyitei ödör* 'пятнадцатый день или полнолуние, так называемого белого месяца'; *nomiyin beye* 'третья природа Божества или Бурхана, природа совершенного отвлечения'; *burxan* 'Бурган, название божества и буддистов'; *bömörceq* 'шарообразный, неправильный шар, шарики на четках'; *asuri* 'род могущественных злых духов, обитающих в преисподней, с добрыми духами на земле'; *uduγan* 'шаманка, волшебница'; *ada* 'злое существо, производящее сумасшествие и бешенство, фурия' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 17, 23, 25, 35об., 47, 48об., 6об., 21об., 5] и т. д.

3) наименования, связанные с луком, например: *eliken* 'внутренняя сторона лука'; *numuni bariul* 'средняя часть лука, где его придерживают рукой'; *erkebči* 'роговое кольцо на большом пальце, для защиты его при натягивании лука'; *numu tamšalyaxu* 'спустить тетиву натянутого лука'; *erekebčileku* 'схватить стрелу большим пальцем при натягивании лука'; *numuni tebke* 'костяные наставки на конце лука' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 9, 36, 9об., 36, 9об., 36]; и мн. др.

В словаре приводятся буддийские термины. Возможно, что калмыцко-русский словарь В. М. Дилигенского создавался с учетом интересов русских миссионеров, поскольку словарь не просто содержит буддийские термины, а в нем даются их достаточно адекватное на тот период толкование, которое было необходимо для понимания религиозных и культурных аспектов жизни калмыков, чтобы более эффективно взаимодействовать с ними.

Словарь помогает понять социальные изменения в жизни калмыков в XIX в. Лексика, представленная в словаре, включает слова, связанные с новыми социальными структурами, образованием и экономикой, что отражает изменения в жизни калмыцкого народа под влиянием русской администрации и культурных изменений. Например: *axalāči* 'старшина' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 2об.] — заимствование из русского значения, обозначающее новую выборную или назначаемую должность в системе управления; *zaγāldulyan* 'судебная жалоба' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 131об.] — появление понятия государственного, а не только традиционного родового суда; *alban* 'налог' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 3об.] — фиксирует переход от традиционной, основанной на родоплеменных отношениях системы обязанностей, к регулярному государственному налогообложению; *xudaldayin yazar* 'рынок, базар, ярмарка' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 74] — заимствование, связанное с регулярной оседлой торговлей; *tönggün* 'деньги, серебро' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 95об.] — распространение денежного обращения, в отличие от обмена; *suudiq* 'стул' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 154об.].

7. Казанская духовная академия как центр рецензирования

Материал словаря В. М. Дилигенского, как и ряд других аналогичных рукописных лексикографических трудов второй половины XIX в., свидетельствует о сложившейся системе научно-административной экспертизы подобных сочинений, одним из центров которой выступала Казанская духовная академия. Данное учреждение, обладавшее авторитетным миссионерским отделением и кафедрами языков иноверцев, в том числе и калмыцкого, стало ключевым интеллектуальным центром по изучению и оценке знаний о народах Поволжья, Урала и Сибири. Рукописи словарей, составляемые учителями и самими миссионерами, направлялись в Казанскую академию, где работал переводческий комитет (комиссия), возглавляемый Н. И. Ильминским [Гималиев 2016: 53], что было частью общей практики конфессионально-ориентированного востоковедения. Казанская духовная академия выполняла функцию лингвистического экспер-

та, чье заключение о полноте, точности и «правильности» переводческого труда могло влиять на решение о его публикации или использовании в учебных целях.

Кроме того, как утверждает Ю. Н. Халиуллин, «во второй половине XIX в. типография Казанского университета становится самой мощной и уникальной типографией России. В ней имелись шрифты практически всех языков мира. Имелись кегли японских и китайских иероглифов, санскритского, армянского, монгольского и уйгурского языков» [Халиуллин 2014].

8. Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что рукописный «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского представляет собой уникальный и многоаспектный исторический источник, значение которого выходит далеко за рамки сугубо лингвистического справочника. Его анализ демонстрирует, что лексикографический памятник является своего рода «лингвистической картой» социальных трансформаций, прошедших калмыцким обществом в XIX в. в процессе интеграции в административную, экономическую и культурную систему Российской империи. Важно подчеркнуть, что словарь был создан в конкретном и значимом социокультурном контексте, в г. Царицыне, где более десяти лет В. М. Дилигенский состоял учителем для новокрещенных калмыков. Это обстоятельство напрямую связывает цель создания словаря с практическими задачами христианского просвещения и адаптации калмыков к новой социальной реальности.

Словарь фиксирует не статичное состояние «традиционного» языка, а динамичный процесс его адаптации к новым реалиям. Выявленные слои лексики — от заимствованных административных терминов и экономических понятий до новых образовательных и бытовых — служат прямыми лингвистическими свидетельствами системных социальных и культурных изменений. Эти неологизмы и семантические сдвиги в исконных словах отражают становление новой социальной иерархии, внедрение оседлых форм хозяйства, развитие светского образования и трансформацию материальной культуры.

Источники

ГА РТ — Государственный архив Республики Татарстан.

Литература

- Алексеева 2010 — Алексеева П. Э. О людях и времени: сборник статей. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
- Алексеева, Музраева 2006 — Алексеева П. Э., Музраева Д. Н. Я. И. Шмидт и калмыки: взаимообогащение двух культур (по материалам переписки 1800–1810 гг.) // Сарепта: историко-этнографический вестник: 240-летию основания колонии Сарепта на Волге посвящается. Вып. 1. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2006. С. 104–122.
- Бардаев 1985 — Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык / Лексикология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 153 с.

- Батмаев 2024 — *Батмаев М. М.* Влияние русской бытовой и экономической культуры на калмыцкое общество в XVIII веке: рыболовство и отходничество // Былые годы. 2024. № 19 (4). С. 1533–1541.
- Баянова 2012 — *Баянова А. Т.* Первые калмыцкие буквари как источники духовной культуры калмыков // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 3 (15). С. 50–55.
- Баянова, Куканова 2016 — *Баянова А. Т., Куканова В. В.* Ранние словари: история книги и книга в истории (на примере рукописных словарей калмыцкого языка) // Полевые исследования. 2016. № 3. С. 92–103.
- Баянова, Сибгатуллина 2020 — *Баянова А. Т., Сибгатуллина Р. Р.* Материалы о калмыках из фонда 10 «Казанская духовная академия» в Государственном архиве Республики Татарстан // Монголоведение. 2020. № 1. С. 90–104. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-90-104
- Бурякова 2024 — *Бурякова Е. А.* Создатель калмыцкого букваря — священник Василий Дилигенский // Пензенские епархиальные ведомости. 2024. № 2 (1572). С. 13–26.
- Вашкау 2002 — *Вашкау Н. Э.* Сарепта в истории Нижнего Поволжья // Сарепта и народы Поволжья в истории и культуре России: сб. науч. ст. по материалам науч. конф. (г. Волгоград, 2001 г.) Волгоград: Фирма Л.Б.Ф., 2002. С. 5–19.
- Габдельганеева 1994 — *Габдельганеева Г. Г.* Книгоиздательская и типографская деятельность Казанского университета второй половины XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1994. 20 с.
- Гималиев 2016 — *Гималиев В. Г.* О первых переводах на чувашский язык // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 2. С. 52–57.
- Гурий 1915 — *Гурий (Степанов).* Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1. Кн. 2. Казань: [б. и.], 1915. 700 с.
- Дорджиева 1995 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII — начало XX вв.). Элиста: Джангар, 1995. 126 с.
- Колесова 2000 — *Колесова Е. В.* Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани (середина XIX – начало XX веков): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 206 с.
- Курышев 2016 — *Курышев А. В.* Эволюция общинного уклада колонии Сарепта на протяжении XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 3. С. 43–53.
- Матвеева 2017 — *Матвеева Г. В.* Миссионерская книга в печатной продукции типографии Казанского университета второй половины XIX века // Искусство и художественное образование в контексте межкультурного взаимодействия. Мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 20 октября 2017 г.). Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. С. 421–426.
- Мирзаева, Долеева 2022 — *Мирзаева С. В., Долеева А. О.* Обработка словарей старокалмыцкого языка на платформе Lingvodoc: предварительные результаты // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 5. С. 1159–1172. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1159-1172
- Орлова 2006 — *Орлова К. В.* История христианизации калмыков: середина XVII — нач. XX в. М.: Вост. лит., 2006. 207 с.
- Панькин 1997 — *Панькин А. Б.* Образование для калмыков (истоки, реалии, перспективы) / под ред. В. В. Серикова. Элиста: Джангар, 1997. 224 с.
- Панькин 2001 — *Панькин А. Б.* Этнокультурный парадокс современного образования. Волгоград: Перемена, 2001. 446 с.
- Туранская и др. 2018 — *Туранская А. А., Яхонтова Н. С., Носов Д. А.* Краткий каталог рукописей и кириллографов в Государственном архиве Республики Татарстан (тибетские, монгольские, ойратские тексты) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2018. № 1. С. 32–56.
- Убушаев 2006 — *Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка. Элиста, Джангар, 2006. 256 с.
- Халиуллин 2014 — *Халиуллин Ю. Н.* Наследники восточной латыни // Независимая газета. 2014. №217 (6265).